

Глава 10 Кошмар

К тому времени как небо окончательно потемнело, с бататом было покончено.

Тётушка Хэ брезгливо поворошила в корзине те побитые клубни, что Цзычэнь испортил днём, выбрала несколько самых невзрачных и протянула Чжао-гэру:

— Вот, это тебе за труды.

Юноша принял их обеими руками и тихо поблагодарил. Старуха же взирала на него с таким видом, будто совершала величайшее благодеяние, за которое он должен был по гроб жизни остаться ей обязанным.

Фан Цзычэнь лишь хмурился, наблюдая за этой сценой. Усталость наваливалась на него свинцовой тяжестью, каждая мышца ныла, а раздражение на скупую мегеру только росло.

Довольная покорностью гэра, тётушка Хэ продолжила:

— У меня на южном склоне ещё участок есть, если завтра будешь свободен, тоже можешь...

— Не будет он свободен, — холодно перебил её Цзычэнь. — Впредь копай свой батат сама.

— А? Что... как это... — старуха осеклась.

— Тётушка Хэ, — Цзычэнь смерил её ледяным взглядом, — скажи-ка, отец твой в курсе, что ты такая «щедрая»?

Тётушка Хэ: «...»

Лицо её пошло пятнами, и она поспешила оправдаться:

— В этом году налоги подняли, пришлось почти всё серебро отдать. Да и урожай не задался... Ну, хочешь, я ещё пару штук накину? Я ведь просто помочь Чжао-гэру хотела.

— Не нужно, — отрезал Цзычэнь. — Раз урожай такой плохой, Чжао-гэру тем более не стоит у тебя надрываться. А то выдашь нам лишний клубень — и вся твоя семья с голоду помрёт, не дай бог.

Старуха только и смогла, что сконфуженно промолчать.

— Гуай-цзай, — позвал мужчина малыша, который искал дикие травы у межи, — пошли домой.

На обратном пути Чжао-гэр то и дело украдкой поглядывал на своего спутника.

Цзычэнь шёл неспешно, сохраняя прямую осанку даже после тяжёлого дня. Его лицо, шея и руки заметно покраснели на солнце, а на щеке красовался маленький красный волдырь от укуса комара.

— Чего смотришь? — внезапно спросил он.

Пойманный с поличным, Чжао-гэр вздрогнул и поспешно отвёл глаза:

— Да так... ничего.

— Завтра пойдём в город, — уверенно произнёс Цзычэнь. — Хочу найти нормальную работу.

— Но в городе не так-то просто устроиться... — гэр прикусил губу.

Его муж тяжело вздохнул, и лицо его приняло недовольное выражение:

— Просто или нет, а искать надо. Я не собираюсь каждый день жевать траву и давиться этим бататом.

Услышав это, Чжао-гэр замер. Пальцы, сжимавшие корзину, невольно дрогнули... Фан Цзычэнь презирал то единственное, что юноша мог ему дать — плоды его каторжного труда и пота.

В этот миг батат показался ему неподъёмным, тяжёлым грузом, сдавливающим грудь так, что стало трудно дышать.

Он смотрел, как Цзычэнь уходит вперёд, быстро отдаляясь. Тёмные сумерки обволакивали его фигуру, делая её почти призрачной.

И снова Чжао-гэра сковало чувство абсолютного бессилия.

Он испытывал его уже бесчисленное множество раз.

Когда исчез тот человек, и сколько бы он ни искал, не мог найти и следа. Когда он забеременел. Когда в холодном, сыром сарае, в полном одиночестве лежал на охапке соломы и рожал Гуай-цзая, стиснув зубами деревянную палку. Когда сын плакал от голода и холода. Когда он, больной, стоял на коленях у дверей лекаря, а его гнали прочь палками. Это чувство всегда было рядом.

Глухое, беспросветное отчаяние, которое невозможно прогнать и которое не под силу изменить, как бы он ни старался.

Его терзал единственный страх: Цзычэнь не выдержит такой жизни и снова бросит его, потому что Чжао-гэру нечего ему предложить.

Цзычэнь, ведший Гуай-цзая за руку, обернулся и увидел, что гэр стоит на месте, понуро уставившись себе под ноги.

— Что там, дерьмо подвернулось или золото под ногами блестит? — окликнул он его.

Чжао-гэр поднял голову и спросил совсем не о том:

— Тебе... правда так не нравится батат?

В его глазах застыла такая неприкрытая печаль, что Цзычэнь невольно замолчал, глядя на него. Лишь спустя мгновение он ответил:

— Нравится, почему нет? Но вы же с Гуай-цзаем не можете вечно питаться только им. — Он нахмурился, и в его голосе зазвучало искреннее негодование: — Эта тётушка Хэ — та ещё скряга, и я не позволю тебе больше на неё горбатиться. Я найду работу в городе, заработаю серебра и куплю вам с сыном мяса. Оно уж точно вкуснее любого батата.

Глаза Чжао-гэра округлились, губы дрогнули, и он застыл в изумлении.

Пока он пытался подобрать слова, Цзычэнь снова заговорил:

— Что, проняло до глубины души?

Юноша видел в своей жизни слишком мало добра. Даже пары слов, пустых обещаний, ещё ничем не подкреплённых, было достаточно, чтобы его сердце трепетно сжалось. Он послушно кивнул:

— Угу.

— Да ладно тебе, пустяки, — Фан усмехнулся и небрежным жестом откинул волосы со лба. — Кто виноват, что я такой редкий экземпляр порядочного мужчины? Видать, у твоих предков на кладбище знатный пожар был, раз они тебе такого мужа... то есть, такого надёжного кореша сосватали.

Чжао-гэр замер, будто обратившись в камень. Краска медленно сошла с его лица.

«Кореш?»

Это слово ранило его больше, чем все те гнусные ругательства, что ему доводилось слышать прежде.

Цзычэнь заметил, что гэр внезапно замолчал, а его глаза предательски заблестели. Мужчина невольно нахмурился.

В конце концов, Чжао-гэр первым нарушил тишину:

— Совсем стемнело. Пойдём домой.

Цзычэнь почувствовал странное облегчение:

— Ладно.

Вернувшись, гэр снова принялся за домашние дела. Лицо его казалось спокойным, будто он уже забыл о том, что произошло по дороге. Цзычэнь некоторое время украдкой наблюдал за ним и, убедившись, что всё в порядке, тоже расслабился.

Однако посреди ночи что-то пошло не так.

Чжао-гэру явно снился кошмар: он что-то бессвязно бормотал и отчаянно метался по кровати.

Шум был таким сильным, что и Гуай-цзай, и Фан Цзычэнь мгновенно проснулись.

Лоб юноши покрылся крупными каплями пота, он кричал и бился, словно в лихорадке. Цзычэнь не на шутку испугался, но малыш, казалось, видел такое не впервые. Он привычно вытер пот с лица отца рукавом и принялся его трясти:

— Папа, папа, проснись!

— Ему что, кошмар снится? — спросил Цзычэнь.

Гуай-цзай кивнул:

— Угу!

Чжао-гэр всё никак не мог вырваться из плена сна.

— Не уходи... не надо... — доносилось до Фана. Гэр повторял эти слова снова и снова, скидывая руки, будто пытаясь удержать кого-то ускользающего.

Обычно он просыпался после первого же оклика, но в этот раз ничего не помогало. Гуай-цзай отчаянно покраснел, его глаза наполнились слезами, и он с мольбой посмотрел на Цзычэня.

— Чжао-гэр? — Фан впервые оказался в такой ситуации и действовал наугад. Он слегка похлопал его по щеке: — Эй, проснись.

Никакой реакции.

Тогда он осторожно приподнял ему веки:

— Чжао-гэр?

Малыш крепко вцепился в одежду отца и наблюдал, как Цзычэнь, убедившись, что это не помогает, принялся тянуть того за уши и сильно надавливать на точку над верхней губой.

Наконец, когда в ход пошли самые решительные меры, Чжао-гэр очнулся.

— Чжао-гэр, ты как? С тобой всё в порядке?

Гэр, казалось, ещё не до конца осознал, где находится. Его зрачки едва заметно двигались, фокусируясь на источнике звука. Когда же расплывчатые очертания Фан Цзычэня обрели чёткость, зрачки юноши внезапно сузились, и он замер, не сводя с него взгляда.

В его глазах лопнули сосудики, а во взгляде сквозило что-то безумное. Он внезапно вцепился в руки Цзычэня с такой силой, что тот даже не сразу сообразил, как реагировать.

— Почему... почему ты тогда ушёл? — хрипло спросил Чжао-гэр, и в его глазах мгновенно скопились слёзы.

Запястья Цзычэня пронзила острая боль. Он и представить не мог, что этот щуплый, измождённый человек обладает такой нечеловеческой силой.

— А? Чжао-гэр, ты меня с кем-то спутал? Я Фан Цзычэнь!

Услышав это, гэр не отпустил его рук, но замолчал, вглядываясь в лицо мужчины, будто пытаясь разобраться в увиденном.

Цзычэнь не сопротивлялся, позволяя ему держать себя, и со смесью растерянности и

сочувствия смотрел в ответ.

Чжао-гэр на мгновение опешил. В его взгляде читалось сложное, мучительное смятение... Он явно не мог отличить галлюцинацию от реальности.

Лишь спустя время к нему вернулось осознание... Должно быть, это снова был сон.

Ему нечасто снились сны.

С тех пор как его продали в семью Ма, у него не было ни минуты покоя. Каждый вечер он просто падал от усталости и заставлял себя немедленно уснуть. Все эти десять с лишним лет он вкалывал как вьючное животное, почти не имея времени на самого себя.

Когда же начались эти сны?

Всё изменилось после той самой ночи.

Ему раз за разом снился тот человек на горе. Он помнил, как его прижали к земле, помнил этот резкий запах хмеля, помнил отчаянные, беспорядочные поцелуи, которыми тот осыпал его снова и снова. Обжигающее, прерывистое дыхание опаляло его шею.

Он плакал, кричал, сопротивлялся, бил его, но всё было тщетно. Когда последняя преграда рухнула, он в слезах взмолился о пощаде.

«Умоляю... не надо...»

Тот человек медленно поднял голову, и на мгновение в его взгляде, прикованном к заплаканным глазам гэра, отразилось замешательство.

Он протянул руку и коснулся его лица ладонью, мгновенно ставшей мокрой от ледяных слёз.

«Ты плачешь?»

Мысли его путались, а слова звучали бессвязно:

«Прости... пожалуйста, не плачь, хорошо?»

«Прости меня. Будь умницей... только не плачь».

Увидев его лицо и слыша эти настойчивые просьбы, Чжао-гэр внезапно перестал

сопротивляться.

У того мужчины совсем не было опыта, все его действия были неумелыми и суетливыми. Чжао-гэр зажал рот рукой, и лишь в самый последний миг не смог сдержать сдавленного стога.

Потом тот человек поцеловал его в лоб и нежно прижался к его лицу, всё ещё мокрому от слёз:

«Тебе больно?»

Не успел Чжао-гэр ответить, как тот снова прильнул к его губам.

Это было так неожиданно.

Тело гэра обмякло, он бессильно опирался на плечи мужчины.

Тот неуклюже посасывал его губы, а в его взгляде читалась робость и осторожность. Лунный свет пробивался сквозь листву, оседая на мягких волосах мужчины нежным сиянием, которое навсегда запечатлелось в памяти Чжао-гэра.

В ту ночь он всё время был напряжён до предела. Он обнимал мужчину за шею, уткнувшись лицом в его грудь и не смея издать ни звука. А когда проснулся — рядом уже никого не было.

Он искал его долго, готов был перевернуть всю гору, но так и не нашёл.

Преодолевая боль в теле, он вернулся домой и сделал вид, что ничего не произошло.

Гэры беременеют не так легко, как женщины. Для него это был первый подобный опыт, и помимо панического страха перед семьёй Ма, он ощущал какое-то странное, мстительное удовлетворение.

Он и подумать не мог, что всего одной ночи окажется достаточно.

С тех пор события той ночи часто возвращались к нему во снах.

Слова, обрывки образов, прерывистое дыхание, обжигающие поцелуи, близость тел — всё это всплывало в хаотичном порядке, без начала и конца.

Чжао-гэр пребывал в оцепенении и лишь спустя долгое время окончательно пришёл в себя. Его снова прошиб холодный пот.

— Фан Цзычэнь? — он прижал ладони к вискам, чувствуя, как голова готова взорваться от боли. Кожа была влажной от пота, и несмотря на летний зной, его бил озноб. Он прохрипел: — Мне приснился кошмар.

— Ага, я заметил, — отозвался Цзычэнь. — Тебе всё ещё плохо? Голова болит?

Те же самые слова.

На мгновение Чжао-гэру показалось, что перед ним снова тот человек из прошлого.

Он глубоко вздохнул и покачал головой:

— Ничего, всё в порядке. Который сейчас час?

— Ещё рано, — Фан выглянул в окно. — Можно поспать ещё пару часов.

Гуай-цзай, прикорнувший в объятиях отца, то и дело клевал носом. Чжао-гэр погладил его по голове и, видя, что Цзычэнь сидит совсем рядом, почувствовал, как в душе воцаряется странное спокойствие.

— Тогда ложись скорее, завтра рано вставать.

Однако Цзычэнь не спешил ложиться. Он смотрел на гэра, явно колеблясь, стоит ли что-то спрашивать.

Чжао-гэр, будто догадавшись о его мыслях, мягко произнёс:

— Всё хорошо, просто дурной сон. Спи.

Фан нахмурился, но через мгновение кивнул и лёг.

Чжао-гэр не мог уснуть. Он лежал с открытыми глазами, слушая мерное дыхание Цзычэня. Тот, кажется, уже провалился в сон. Кровать была хлипкой и скрипела при каждом движении, поэтому гэр боялся даже шелохнуться.

— Не спится? — внезапно раздался голос Цзычэня.

— Я...

Мужчина вспомнил тот испуг и отчаяние, что видел в глазах юноши сразу после пробуждения.

Он приподнялся и подхватил Гуай-цзая на руки:

— Подвинься к краю, я положу его к стене.

Чжао-гэр замешкался лишь на секунду, после чего послушно перебрался на середину. Он лежал, боясь шевельнуться, пока Фан устраивал малыша и ложился рядом.

Цзычэнь взял руку Чжао-гэра и слегка притянул его к себе, почти обнимая.

— Не бойся, — тихо прошептал он. — Я здесь.

Юноша поднял на него глаза. В его взгляде не было ни тени сомнения — лишь безграничное доверие и робкая надежда. Он осторожно придвинулся ближе, не решаясь прижаться слишком плотно. Одну руку он робко положил на талию Цзычэня, а лицом уткнулся ему в грудь.

Цзычэнь мерно похлопывал его по спине. Они лежали так близко, что его голос звучал прямо у самого уха:

— Тебе что, призраки снились? — спросил он тоном знатока. — Страшно было, да? Но пока я рядом, тебе нечего бояться.

— ...Почему?

Чжао-гэр прижимался к его груди, и его тёплое дыхание проникало сквозь тонкую ткань рубахи. По телу Цзычэня пробежал мгновенный разряд тока — будто кто-то коснулся самого сокровенного и чувствительного места. Его нервы вмиг натянулись.

В его голосе появилась несвойственная ему запинка:

— Если... если этот гад сунется, я... я его так отлуплю, что он превратится в дохлого призрака.

Чжао-гэр едва заметно усмехнулся.

Слушая сильное, уверенное сердцебиение в груди Цзычэня, он медленно закрыл глаза.